
РАВИЛЬ БУХАРАЕВ
1951–2012

Москва. Октябрь 2011 года.
Фото из архива вдовы Равиля Бухараева Лидии Григорьевой.

Встреча с читателями. Начало 1980-х годов.

С Ахатом Мушинским.
VI Всесоюзное совещание молодых писателей. 1975 год.

С женой Лидией и сыном Василием. Москва, 1980 год.

С отцом – Раисом Бухараевым, профессором,
завкафедрой кибернетики Казанского университета.

С Андреем Вознесенским и Лидией Григорьевой. Лондон, Пушкинский Дом, 1995 год.

С японским поэтом Такаси Арима на Всемирном конгрессе поэзии. Тайвань, 1994 год.

С Генеральным секретарем Европейского общества культуры
Мишель Компаньо-Бувье. Венеция, 1995 год.

С Владимиром Васильевым. Лондон, 2000 год.

После вручения Госпремии Татарстана им. Габдуллы Тукая.
Казань, 2006 год.

С Народным поэтом Татарстана Ренатом Харисом.

На конференции в Кембридже, 2007 год.

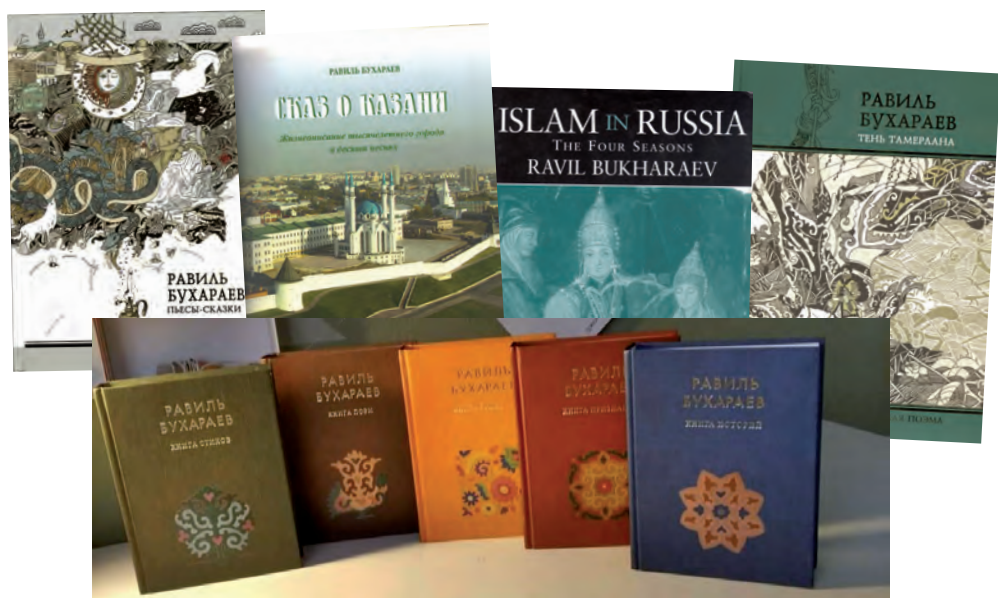
Интервью газете «Казанские ведомости», 2009 год.

Международный поэтический фестиваль имени Н.И.Лобачевского.
Казань, 2011 год.

На вечере памяти Равиля Бухараева. Лондон, 2018.

Наталья Харлампьева

Тюркский брат мой

Вспоминая Равиля Бухараева

Скоро уж десять лет, как ушел из жизни поэт, философ Равиль Бухараев. Татарин, который писал прекрасные стихи на русском, заслуженный деятель искусств Татарстана, лауреат Госпремии Республики Татарстан имени Габдуллы Тукая. Впрочем, он писал и на татарском, и на венгерском, и на английском языках. Он вырос в семье ученых, отец его, Раис Гатич Бухараев, был доктором технических и физико-математических наук. Родители дали ему прекрасное образование, он окончил механико-математический факультет Казанского университета и аспирантуру МГУ по специальности «Теоретическая кибернетика», владел английским в совершенстве. Стихи писал, можно сказать, с детства, но стал считать поэзию главным смыслом своей жизни уже в зрелом возрасте.

Моя дружба с ними — именно с ними: с Равилем и его женой Лидией Григорьевой — началась с переводов. Лидия, замечательный русский поэт, в те годы занималась переводами. Ее переводы мне очень нравились — что-то необъяснимое совпадало в ее и моем видении мира.

Равиль принял меня сразу как сестру — мы ведь тюрки по крови... Жизнь менялась, иногда в лучшую сторону, иногда в худшую, но наша связь не прерывалась. Я часто бывала в их доме, останавливалась у них в Москве.

Я помню их быт еще в коммуналке на Соколе, помню их сына Васю еще маленьким... Эта пара была настолько искренна и гостеприимна, что все то, чего они касались, казалось необыкновенным, исключительным и предназначенным именно тебе. Это, видимо, исходило от света их любви, от гармонии их отношений. И любая мелочь в их жизни освещалась этим светом. Помню, с каким старанием и с видом человека, совершающего таинство, готовил кролика Равиль в один мой приезд... Затем они получили квартиру в Филях, на 22-м этаже, мне тогда это казалось таким романтичным — поэты, живущие под куполом неба! Рядом протекает Москва-река!

Вскоре началась перестройка, писатели оказались никому не нужны. Равиль уехал сначала в Венгрию, выпала разнарядка через Союз писателей — приглашение на обучение венгерскому языку. Затем — в Великобританию. В Англии они осели. Равиль работал на Би-Би-Си в русской редакции, с ним заключили долгосрочный контракт. Они купили дом в очень хорошем районе Лондона. Дом стоит на пригорке, откуда открывается вся панорама Лондона. Там, на окраине огромного парка, водятся не только белки, но и лисы. Лида разбила в маленьком дворике замечательный сад, где цветут розы и разные диковинные цветы, названия которых я, как северный человек, и не стараюсь запоминать. Красивые, чудесные, заморские. На нашей вечной мерзлоте таких не бывает.

Для Равиля и Лиды Англия была и осталась чужбиной, но английский период у Равиля, наверное, был самым плодотворным.

Он работал в разных жанрах: писал пьесы, стихи, прозу, — и во всех писательских ипостасях был великолепен. Сотрудничество с Би-Би-Си обеспечило ему достойную жизнь, а самое главное, — открыло новые возможности работать во славу своей Родины и родного народа. Он был и оставался патриотом России и сыном татарского народа. Работал на износ: служба на Би-Би-Си, свои стихи, обращение к исторической прозе, издание книг, посвященных Татарстану, и поездки... Одно перечисление изданного в Лондоне по его инициативе говорит само за себя: «Казань. Зачарованная столица», «Ислам в России. Четыре времени года», «Модель Татарстана», «Президент Минтимер Шаймиев и модель Татарстана»... Также на английском Бухараев издал антологии «Исламская поэзия поволжских татар», «Историческая антология татарской поэзии». Написал венок сонетов на четырех языках: татарском, русском, венгерском и английском. Им была переведена и издана уникальная книга — «Поэзия Золотой Орды».

Он был духовным посланцем Татарстана — в Англии и не только. Много ездил по миру, принимал участие в литературных фестивалях, встречался с именитыми коллегами и просто читателями. В последние годы был экспертом ООН по детской литературе, и у него было много идей и планов. Мне тогда казалось, что Равиль нашел самую удачную форму бытия поэта — его свобода духа наконец-то нашла выражение в неограниченном передвижении, в творчестве без оглядки, в доступном издании книг. Книг, которые он считал нужными своему народу.

Творческое наследие Равиля Бухараева настолько многомерно, что я даже не берусь его оценивать. Бухараев был известным во всем мире российским литератором, он хорошо знал устройство российского общества, он мыслил в планетарном масштабе. Он был свободным писателем, который хорошо знает свои татарские корни. Он перевел поэтов Золотой Орды, классиков татарской литературы Габдуллу Тухая, Сибгата Хакима, издал в Лондоне написанную в XIII веке поэму Кул Гали — в прекрасном полиграфическом исполнении. Вместе с группой переводчиков работал над переводом Корана на русский язык. Полагаю, что это была очень сложная работа — четырнадцать веков текст Корана сохраняется таким, каким был записан. Всего за сорокалетний творческий путь Равиль Бухараев издал более сорока книг — поэзии, прозы и научных исследований, — которые сыграли заметную роль в культурной жизни Татарстана.

Бухараев был интеллектуалом, беседа с ним заставляла думать о вещах высоких: общности истории, религий, смысле жизни, назначении литературы и поэта. Вот как отзывался о его творчестве Чингиз Айтматов: «Произведения Равиля Бухараева настолько значительны по смыслу и формам, что можно сказать с полным основанием и энтузиазмом: Равиль Бухараев — интеллектуальная гордость нации!»

В одном из интервью Равиль сказал: «Я уехал в Англию человеком отчаявшимся и разочарованным во всем. Мне было под сорок. Оглянулся на жизнь и увидел: Господи, работал-работал, а ради чего? Ради издания книг?! Все ушло в дым! В то время, когда вы не слышали обо мне, я и сам о себе не слышал...»

В этот период Равиль пришел к вере. Вера предков жила в нем генетически, но вошла в него, когда он стал переводить исламскую литературу на русский язык. Я никогда не спрашивала об этом, просто видела, что он стал другим, более уверенным, спокойным человеком, который живет в ладу с самим собой.

В дружбе, которую ценишь, не задаешь лишних вопросов. У меня было чувство, что Равиль был таким всегда...

Он никогда не был снобом, я знала его как очень внимательного друга, тактичного, мягкого товарища. До сих пор у меня щемит сердце, когда вспоминаю его привычку брать за руку спутника при переходе через улицу, на его взгляд, опасную.

Я впервые заметила это в Москве, когда мы с ним поехали в издательство «Молодая гвардия» и переходили трамвайные пути. Он делал это машинально, не придавая особого значения, но исходило это от его отношения к людям, от чувства ответственности в малом и большом.

Когда ушел из жизни их единственный сын Василий, я еле нашла в себе силы позвонить им. Трубку взял Равиль. Я, как бывает в таких случаях, произнесла какие-то затертые слова соболезнования и сочувствия. Хотя, какие слова могут утешить родителей, когда они теряют сына в расцвете сил! Я сама всхлипнула и заплакала. Равиль тогда нашел силы утешить меня спокойным и рассудительным тоном... Я позже поняла, что всю боль этой невосполнимой утраты он вобрал в себя, жил с нею и ушел с нею.

Нам не велено душу царапать,
Потому что ещё не конец.
Мы поедem в Венецию плакать,
Неутешные мать и отец.

Там ветра ходят с моря на паперть,
Словно люди, лишённые тел.
Я опять возлюблю тебя насмерть
Там, куда ты никак не хотел.

Где витает, в забвении веса,
Сердцу ясная, но не уму,
Светловзорая тень василевса
В золотом византийском дыму.

.....

С этой болью, загинувшей втуне,
Как со спящим ребёнком в руках,
Словно ветер, уйду по лагуне,
Чтоб утратить себя в облаках.

И вернёт меня снова на паперть
Разве свет обручальных колец...
Мы поедem в Венецию плакать,
Твои вечные мать и отец.

Я гостила у них в Лондоне несколько раз. Видела, что новые возможности никак не отразились на Равиле, — он был прежним, порой молчаливым, порой разговорчивым. Беседы касались нашего общего тюркского начала, будущего России, а значит, и нашего будущего. Когда-то, еще в Москве, в 1985 году, в самом начале нашей дружбы, Равиль подарил мне свою книгу «Время цветов», на которой начертал: «Дорогой Наташе от дальнего татарско-тюркского родственника — на частую удачу!» И вот это наше родство было главным в нашем общении все годы. Я чувствовала в общении с ним не просто родственную поэтическую душу, а некое древнее, сильное тюркское единство...

Равиль быстро освоился в Англии, он прекрасно водил машину, вел сложные переговоры с издателями на английском. Он не выглядел чужим человеком в лондонской жизни.

Не раз Равиль с Лидой привечали мою дочь, которая выезжала в Лондон на языковые курсы. Равиль возил ее при надобности, они вместе с Лидой всячески опекали ее, угощали домашней едой, решали какие-то мелкие ее проблемы. Мне всегда было приятно думать, что в далеком и туманном Лондоне есть мои друзья, коллеги, которые помнят и любят меня...

Жизнь продолжалась. В последний раз мы встретились в Москве в конце сентября 2011 года. Они пригласили меня в частную галерею их друга Рустама Сулейманова в центре Москвы. Это было открытие галереи, куда в качестве почетных гостей пригласили Равиля и Лидию. Там были собраны старинные образцы татарского прикладного искусства. Равиль сразу познакомил меня с Сулеймановым и предложил ему поговорить со мной об издании якутских сказок в их издательстве. Оказалось, что Сулейманов — руководитель фонда «Марджани» — задумал серию, в которую входили бы сказки тюркских народов.

Вечер был замечательный, искренний, и Равиль на подъеме предложил: «Давайте поедемте в ЦДЛ. Посидим, поговорим». Мы с Лидой стали отнекиваться, потому что было уже поздно и нам показалось, что мы достаточно пообщались. Меня ждала семья дочери с внуком, тогда они жили в Москве. А это была последняя встреча с Равилем и последняя возможность поговорить с ним... Нам всегда кажется, что жизнь бесконечна, что будет другой раз. Судьба не дала нам другого раза.

Я запомнила его таким, каким он был в этот последний вечер — оживленным, открытым, довольным. Он редко выглядел довольным, а самодовольным не был вообще. А тогда он был рад открытию галереи в самом центре Москвы, рад совместным издательским планам с Сулеймановым, рад встрече с тюркской сестрой и предвкушал праздник поэзии в Казани, где через несколько дней собирался отметить свое 60-летие.

Занозой в моем сердце сидит его фраза, сказанная в тот вечер: «Весь мир объехал, а до Якутии не доехал». Он всегда хотел приехать в Якутию, ему казалось, что именно здесь откроются сокровенные тайны взаимосвязи разрозненных тюркских народов, он так хотел увидеть наш край и зимой, и летом! Тогда мы стали обсуждать варианты их приезда к нам на следующий год, и через некоторое время после этого разговора я задумала международный фестиваль поэзии «Благодать большого снега». Но его скоропостижная смерть в январе 2012 года в Лондоне разрушила наши планы...

Невыносима туга или нет,
не пропадут потуги.
В том, что ты неплохой поэт,
нет никакой заслуги.

Сколько породы ради руды,
как далека дорога...
От человека исходят труды.
Всё остальное — от Бога.

Когда я перечитываю эти строки, я словно слышу голос Равиля — негромкий, отстраненный...

Не напишу ничего, что прекраснее дерева.
Не начеркаю точней, чем лучистые ветки.
Времени было отмерено только до вечера.
Вечером лучше молчать или делать пометки.

Вечером лучше отречься от вечного сплина,
русской морочной хандры и татарской печали;
вечером лучше припомнить, как пахнет малина
в детской ладошке, вернее, как пахла вначале...

Вечером лучше зажечь — не свечу, так светильник:
щёлк выключателем, и темнота отступила...
Вечером лучше поставить на утро будильник:
дом недостроен, всё выше уходят стропила...

Друг мой, любовь моя, лучше молчать вечерами,
иначе мы не услышим, как дышит Василий:
я и забыл, что он вырос и больше не с нами,
слышу, как плачет, Господи Боже помилуй...

Вечер проходит в труде запоздалых радений.
Поздно, любимая, тьма подступает всё туже...
Только успеть бы нам вымолить сна без видений
да пробужденья без слёз, только б не было хуже...

Это стихи, посвященные Лиде, написанные в 1992 году. Тогда в их жизни все было благополучно, но откуда такая тоска, предчувствие беды? Настоящий поэт соткан из предчувствий, из переосмысления прошлого и мыслей о мимолетности настоящего... А Равиль Бухараев был настоящим поэтом.

В стихотворении «Когда вернусь в казанские снега» он предсказал свое возвращение.

Когда вернусь в казанские снега,
мы разглядим друг друга в свете Бога,
и я пойму, о чём была туга,
и я пойму, зачем была дорога...
Мой мальчик, потерпи ещё немного,
пока вернусь в казанские снега...
Когда-нибудь, малыш, когда-нибудь
мы разглядим друг друга в свете Бога.
Всё было — горе, счастье и тревога...
В казанские снега ложится путь.

Он знал о своем последнем зимнем путешествии из Лондона в Казань. Лиде как-то приснился сон: похороны, зима, снег по колено. Мимо нее молча прошла вереница людей, они несли длинный белый сверток. И Лида спросила: «Куда идете? Кого хоронят?» Ей ответили: «В Казань спешим. Бухарая хоронить...»

Лидия Николаевна за эти годы сделала и делает очень много для увековечения памяти Равиля Бухараева, для издания его произведений. Она, на мой взгляд, совершенно по-новому открывает некоторые грани его таланта, его произведений, дает возможность переосмыслить его литературное наследие... Это большой труд, не только составительский и организационный, а духовный труд, освещенный большой Любовью.

Равиль знал, что уйдет зимой, и хотел быть похороненным в Казани. И там он покоится — светловолосый, голубоглазый татарин, настоящий поэт и философ. Мой тюркский брат, мой друг Равиль Бухараев.